

Чтобы потомки помнили

6 февраля в Павловске в картинной галерее состоятся первые Боруновские чтения. Организаторами данного мероприятия выступили историко-художественный музей и комитет по культуре Павловского района.

В рамках подготовки к чтениям в декабре был объявлен конкурс среди школьников района: сочинение, описание картины, копия картины Г.Ф. Борунова, конкурс экскурсоводов по экспозиции картин художника.

Геннадий Федорович Борунов - заслуженный художник России, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, лауреат краевой премии в области искусства, лауреат Алтайского центра Международного Демидовского фонда, лауреат премии Алтайского комсомола, Почетный житель Павловска.

Работы Г.Ф. Борунова в постоянной экспозиции Павловской картинной галереи, которой решением Собрания депутатов Павловского района в 2004 г. присвоено его имя. В 2008 году издана книга его воспоминаний «Земля, где я родился».

Сегодня мы представляем вашему вниманию рассказы Геннадия Федоровича, которые не вошли в книгу и не были опубликованы.

Володя Артюшкин

Когда я был маленький, как-то зимой отец с мамой ушли к родственникам на крестины. Церковь в Павловске уже сломана. Родные соберутся, посидят, самогону выпьют, вот и крестины получаются. Когда родители вернулись, рассказали нам с бабушкой, что новорожденного мальчика назвали Володей.

Прошли годы. Когда началась Отечественная война, Вовкин отец был шофером. И почти всю войну он на «ЗИСе» подвозил снаряды на фронт, несколько раз был ранен, проваливался с машиной под лед. Был в госпиталях, и перед самым окончанием войны медсестра из госпиталя привезла его больным домой. Умер Иван за неделю до Победы.

Вовка в школе учился нормально, но однажды их петух залетел неожиданно ему на голову, клюнул, кукарекнул. С тех пор Вовка стал заикаться, стесняться стал от этого. Дела в школе разладились.

Ушел он в колхоз - работа всегда была. У меня же продолжалась долгая учеба, мельком встречал иногда Вовку, который подрос, возмужал. Смотрю однажды - на тракторе едет.

Затем комбайнером работал еще на прицепном комбайне, потом на самоходном. В 1980 году Володя стал лучшим комбайнером в колхозе. Ему путевку вручили - поездку в Болгарию. На следующий год опять победителем стал - обещали наградить мотоциклом с коляской, но мотоцикл отдал бригадиру.

Сказал мне Володя, что у него такая тактика выработалась: вначале уборки он оторвется центнеров на пятьсот, а затем не отстаёт, несмотря на то, что полочки бьются. Еще поведал, что к концу уборки недосыпаешь, устаешь, силы кончаются. Иногда думаешь: уйду с комбайна. А как пшеничка поспевает на следующий год, садишься на комбайн, а она в бункер сыплется. Радостно на душе становится.

В ту осень Владимир Иванович опять вышел победителем, но снова обещанный мотоцикл ему не достался.

Вдруг слышу, ушел он из колхоза. Стал работать в «Зеркальном», где рыбу выращивают. Совхоз этот на другом конце Павловска находился. Купил он себе «Урал» и мимо нашего огорода в совхоз тот стал ездить.

Как-то встретил его. Спросил, почему ушел из колхоза?

- Привык я, сроднился со своим колхозом. Работал всегда хорошо, но мотоцикл мне не дали - видите ли, беспартийный я.

- Так ведь на мотоцикле ездешь, - говорю.

- Нет, этот мотоцикл я купил, давно

бы мог купить, но хотел, чтобы мне его торжественно вручили.

Ушел Володя на пенсию, и его голубая мечта, чтоб ему мотоцикл за хорошую работу торжественно вручили, постепенно погасла.

К осени 2007 года опять у меня дела с сердцем плохи стали. Скорая увезла в больницу. В палате четыре человека. Больные по-разному, но знакомые мне все. О многом были разговоры. Выяснили, что на моей кровати до меня лежал Володя Артюшкин. Давно на пенсии. Жаловался, что крестьянское дело в районе (да и не только) развалилось.

Вот и получилось, что с Володей жизнь моя как-то переплелась с его рождения. Мне скоро 80 лет будет, ему тоже за семьдесят, а все ищет правду на земле, что-то нас объединяет. На работе он всю жизнь вкалывал, хорошо работал, но постоянно препятствия у него большие были. Уж так жизнь устроена. У меня препятствий тоже было хоть отбавляй. Но каждый из нас творил свое дело в меру своих сил...

Есть у меня картина «Жатва окончена» - идет по полю Артюшкин, в руках красивая роза, на груди новенькая медаль поблескивает, вдали колхозная бригада. Развешаны лозунги. Хлебобобов награждают. Будет она жить и после нас, запечатленным останется на холсте время восьмидесятых годов прошлого века.

Никольская церковь

Уж сколько раз писал я о деяниях новой власти - советской. И еще есть о чем сказать. Знаю, это разговор в пользу бедных. Но, может, интересно и любопытно будет кому-то в нашем далеком будущем.

О Никольской церкви мне мало известно. Уж так повелось, что своей церковью для меня была Введенская. Никольскую закрыли позже, чем Введенскую, но когда еще был мал, говорили и соседи, и у нас в доме: «Церковь была обновленческой - советской, с вытекающими отсюда обстоятельствами».

Попом в Никольской церкви был Овсянников. Тогда, еще задолго до 37-го года, он многих людей угробил. Говорили, что на исповеди он «нужных» людей расспрашивал, а затем сведения нес в ГПУ - карательный орган в то время. Его, как Иуду, покарали потом, но при одном упоминании о Никольской церкви у меня встает в памяти образ Овсянникова. И когда сбрасывали колокола с Никольской церкви, не знаю, почему, но забегаловская ребятня не ходила смотреть на это зрелище. Хотя, когда рушили Введенскую церковь, мы там были. Как полетела высокая деревянная колокольня

Геннадий Федорович Борунов с супругой (фото из архива)

с Никольской церкви, я видел только издали - с дедушкиного сарая на Забегаловке, смотря в папин бинокль.

В 1950 году с трудом раскатали здание по бревнам: бревно от бревна со скрипом тракторами отрывали. Сделали из тех бревен Дом культуры. Он работал, пока не сгорел в одночасье. Говорили, что кто-то по дурости кинул папироску за диван, пожарные ничего поделать не смогли.

В общем, надо сказать и Никольская церковь, и Введенская канули в Лету. Что и говорить, уже даже не одно поколение не знает о них ничего. Пусть этот рассказ напомнит тем, кто будет после нас, о нашем прошлом, о существовавших некогда храмах, украшавших Павловск.

Дом наш павловский

Дом, в котором я родился на Забегаловке, состарился. Построен он был еще в XIX веке недалеко от сереброплавильного завода, когда тот еще работал.

Хозяином дома был некто Литовский. Был он из Литвы, фамилии его никто не знал, а просто все называли Литовским. Дом его был необычным для Павловска - большой, с двумя колоннами и фронтоном. Когда наступила советская власть, дом он переделал: убрал и колонны, и фронтоны, поменьше сделал - кухня да горница. Началось раскулачивание, земли на пашне у него отобрали, огород большой тоже обрезали. Он, не долго думая, куда-то уехал от греха, дом же свой отдал моему деду Ивану в знак дружбы по-соседски. Дед мой постоянно помогал ему по хозяйству, на пашне и т.д.

Только в 1945 г. я, окончив школу, сделал капитальный ремонт в доме. Стал он заваливаться, подполье осыпалось. Завис дом, боялись, развалится. Укрепил я, как мог, подполье, перестелил пол из чего попало. По-другому сделал русскую печь и комелек, научился свод в печи делать. Затопили с мамой печь - дым, как положено, в трубу пошел.

Прошло несколько лет. Закончил я художественное училище в Москве. Невелик был тогда наш бюджет, но решено было дом перестроить. Пошел отец в лесхоз просить лесоматериал. Отец на войне воевал, под Сталинградом был ранен, в госпиталях лежал. Для семьи квартиру в центре Москвы давали, но вернулся он в Павловск, и вот отказ - лесу нет для фронтовика.

Пришлось из амбара и нескольких бревен из старого дома «новый» дом делать. Четыре бревна для обвязки Ключев дал, он человек был партийный, ему лесоматериал на дом дали, я из Ленинграда потом две посылки красок по 8 кг за те бревна выслал ему.

Дом был построен. Соседи помогали. Потом обложил кирпичом для утепления. Хотя дом и невелик, но он стал как реликвия. Недавно пейзаж мой «Отчий дом» в Третьяковской галерее оказался. А вообще-то, как вспомнишь, до чего же мы, Боруновы, не приспособлены к современной жизни. Не помогает ни мое академическое образование, ни звание заслуженного художника России. Но главное - кой-что доброе сделано и моими дедами, и моими родителями, и мной тоже в этой жизни.